

КУРС ФИЛОСОФИИ КАК УРОК СВОБОДЫ

Б.И. ЛИПСКИЙ

Геометрия... Замечательная наука! Нет в мире ничего,
что не поддалось бы твоим измерениям.
Но если ты такой знаток, измерь человеческую душу!
Скажи, велика она или ничтожна?
Ты знаешь, какая из линий прямая; для чего тебе это,
Если в жизни ты не знаешь прямого пути?

Луций Анней Сенека

Как известно, слово философия происходит из слияния двух древнегреческих слов: *phileo* — любовь и *sophia* — мудрость и означает — любовь (или стремление) к мудрости. Почему философия не сама мудрость, а только стремление к ней? Ведь обычно считают, что философия должна дать ответ на самый фундаментальный вопрос: «Что есть мир в целом, и каково место человека в нем?». Но если философ берется дать такой ответ, он перестает быть философом. Он уже не стремится к мудрости, а убежден, что обладает ею. Претензии на обладание высшей истиной характерны для мифологии, для религии, но не для философии. Задача философа не в том, чтобы сформулировать неизменные и вечные, годные «для всех времен и народов» вечные истины, а в том, чтобы показать стремящемуся к мудрости путь, идя по которому он сможет отыскать *свой собственный* ответ на мучающие его вопросы.

Для «героя нашего времени», которого один из самых популярных философов XX века Мартин Хайдеггер называл «Das Man» — «усредненным человеком», — наиболее характерной особенностью является самоуверенность. Этого человека трудно чем-либо удивить. Он все знает, всех охотно поучает, не ведая ни сомнений, ни боязни ошибиться. Хайдеггеровский «Das Man» — это именно «средний» человек, который полностью разделяет некую «усредненную» мораль своего круга и своей эпохи. Он глубоко убежден, что все люди в глубине души думают как он, ценят то же, что и он, стремятся к тому же, что и он. А кто думает иначе — тот

либо ненормальный, либо мошенник, скрывающий свои истинные мысли из какого-то корыстного расчета. Естественно, что философия, в смысле стремления к поиску собственного ответа на вопросы о цели и ценности человеческой жизни, для такого человека либо не существует вовсе, либо представляется каким-то словоблудием, праздным мудрствованием на пустом месте. Ибо для философии нет почвы там, где все ответы на смысложизненные вопросы даны и приняты заранее, еще до возникновения самих вопросов.

Философия, с самого начала, всегда есть дело не «усредненного», а личного разума. Она возникает, когда отдельный человек начинает сомневаться в безоговорочной истинности верований сообщества, к которому он принадлежит. Авторитетное свидетельство, которое в мифологии или в религии имело силу «решающего аргумента» в философии уже не рассматривается в качестве такового. Как бы ни был высок авторитет говорящего, в философии от него всегда можно потребовать обоснования своих положений. Характерное для философии сомнение в абсолютной непогрешимости даже божественного авторитета священных писаний, стремление «своим умом» убедиться в их истинности для многих философов стало причиной неприязни и преследований не только со стороны властей, но и со стороны безотчетно верующей «усредненной массы». Не случайно один из величайших философов древности — афинянин Сократ был казнен по приговору суда за «непочтение к богам и развращение молодежи».

Философия, как говорил Аристотель, рождается из удивления. Удивительное привлекает внимание человека, заставляя его усомниться в расхожих «истинах» и начать поиск собственного ответа. В разные исторические эпохи это «удивительное» могло быть весьма различным. Соответственно, различной становилась и направленность внимания, определение интересного и неинтересного. Поэтому философские учения разных эпох так отличаются друг от друга, а дискуссии, доходившие порой до вооруженных стычек, по прошествии лет зачастую воспринимаются как крайне бессодержательные и даже нудные.

Предмет философии не обнаруживается, а скорее создается в самом процессе философского размышления. Размышления физика, химика, биолога опираются на эмпирический опыт. Философские размышления касаются не отдельных предметов, а универсальных принципов, благодаря которым в предметный мир вносится определенный порядок: Космос, Природа, Истина, Благо, Мораль, Справедливость, — вот предметы философского размышления. Но ни один из них не может быть представлен в нашем опыте как отдельный чувственно воспринимаемый объект.

Именно отсутствие того, что мы ожидали увидеть и вызывает «удивление», с которого начинается философия. Известный испанский философ Ортега-и-Гассет говорил, что мы замечаем отсутствие фрагмента мозаики по оставшейся на его месте дыре; мы видим не фрагмент, а его отсутствие. Предмет философии, в отличие от предметов эмпирических наук, обнаруживается именно благодаря своему отсутствию. Мы ощущаем его как фантом, подобно тому, как инвалид ощущает свою ампутированную руку или ногу. Философское размышление, как правило, начинается с более или менее ясного предчувствия: «Здесь что-то должно быть!». Эта метафора отсутствующего фрагмента весьма характерна для философии. Ее употребляет экзистенциалист Хосе Ортега-и-Гассет, но ее же использует и основоположник диаметрально противоположной философской традиции — позитивист Огюст Конт.

Жизнь, осмыслением которой является философия, бесконечна в своих проявлениях. Никакая теория никогда не сможет воспроизвести ее исчерпывающим образом. Теория, которая стремилась бы полностью воспроизвести жизнь, должна была бы сама стать ею. Но это невозможно. Теоретическое воспроизведение действительности часто сравнивают с географической картой, точность которой тем выше, чем крупнее ее масштаб. Карта в масштабе 1:1 была бы самым точным отображением реальности, но кому может понадобиться такая карта?

Формирование каждой философской системы есть не более (но и не менее), чем открытие новой неожиданной перспективы, которая позволяет увидеть жизнь в ранее не-

доступном ракурсе. При этом прежняя перспектива уходит и забывается и, скорее всего, нам уже никогда не увидать мир так, как видел его античный грек или средневековый монах. Поэтому совершенно утопичной является идея создания окончательной универсальной философии, как «общей теории всего», охватывающей своим содержанием все без исключения возможные миры и судьбы.

Открытие новых перспектив и создание новых философских учений всегда связано с конкретной личностью, с человеком, который не подчиняет свое сознание авторитетной традиции, а делает предметом размышления собственный духовный и жизненный опыт. Практически все крупные философские системы являются «авторскими проектами» и непременно несут на себе глубокий отпечаток личности творца. Но для того, чтобы они не остались только «проектами» — любопытными, но бесполезными «экспонатами» в музее творений человеческого духа, — они должны быть созвучны общим умонастроениям эпох и народов. Они должны говорить о том, что вызывало бы *сочувствие*, возбуждало бы «резонанс» в душах множества людей.

Возникновение «духовного резонанса», который способна вызвать та или иная философская доктрина, обычно связывают с общностью *мироощущения*. Под мироощущением понимается некий широкий эмоциональный фон, на основе которого формируются наши представления о мире и отношение к нему. Этот эмоциональный фон может быть открытым, оптимистическим, радостным, но может быть и наоборот замкнутым, пессимистическим, мрачным. Однако, помимо индивидуального, существует также и сверхиндивидуальное мироощущение, характерное для больших человеческих общностей. Это может быть мироощущение людей, принадлежащих к одной культуре, религии, национальности, социальному классу, поколению, исторической эпохе или психологическому типу.

Именно такое сверхличное мироощущение является основой интуитивной симпатии, которая вызывает *духовный резонанс* между самыми утонченными построениями интеллектуалов-философов и обыденным сознанием широких масс. Именно резонанс с общим духом эпохи, нации,

социального класса объясняет способность казалось бы самых абстрактных философских доктрин сначала мгновенно распространяться среди интеллектуальной элиты общества, а затем захватывать и массы людей, быть может никогда вообще не слыхавших о философии. Так в начале XX в. содержащийся в марксистской философии призыв к *социальной справедливости* был услышан и принят российским пролетариатом, а ближе к его середине ницшеанская идея господства *жизненной силы* и властной воли на какое-то время становится доминирующей в умонастроении германской нации. Однако это вовсе не означает, что все, кто принимал идеи марксизма или ницшеанства в качестве жизненных принципов, вполне понимали действительное философское содержание этих систем. Здесь можно говорить именно об интуитивной симпатии любого человека к рассуждениям о том, отсутствие чего переживается им как наиболее болезненное ощущение в его собственной жизни.

Человек, испытывающий страдание от отсутствия социальной справедливости, будет с особым вниманием прислушиваться ко всякому разговору о ней, тогда как страдающий от недостатка жизненной энергии, болезненно переживающий сознание собственной вялости и нерешительности, будет очарован проповедью властной воли. Беда лишь в том, что, как говорил Иешуа — герой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Эти добрые люди... ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что эта путаница будет продолжаться очень долгое время... ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но однажды я заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил».

Широкое распространение философского учения почти всегда чревато искажением его первоначального «авторского» замысла. И не случайно Маркс, на вопрос о том, к какой философской школе относит он самого себя, ответил, что, во всяком случае, он не марксист. Не исключено, что и Ницше скорее всего отказался бы от причастности к той форме «ницшеанства», которая впоследствии стала официальной идеологией Третьего Рейха.

Мир философии отличается от мира физики или биологии. Изучение курсов естественнонаучных дисциплин знакомит человека с теоретическими моделями *определенных областей* реальности. Основы этих моделей были заложены создателями классической науки, и каждое новое поколение ученых развивало их идеи, внося свой вклад в *совместно* создаваемую *общую* теоретическую конструкцию. Так, например, система физического знания, развиваясь, постоянно обновлялась. Отдельные ее фрагменты либо отбрасывались, как заблуждения прошлого, либо включались в состав новых теорий как их частные случаи. Но актуальной при этом всякий раз становилась самая последняя модель, представляющая «современный уровень» физического знания. Ее-то и изучали в школах и университетах в качестве *Физики* как таковой.

С философским миром дело обстоит совершенно иначе, поскольку *совместное созидание* его общепризнанной теоретической модели в принципе невозможно. Философские вопросы касаются не того или иного *фрагмента* мира, а *всего мира в целом*. Поскольку эти вопросы являются *предельно широкими*, истинность ответов на них не может быть удостоверена ни эмпирическим, ни даже логическим путем. Ведь не существует никакой более широкой области действительности, по отношению к которой могла бы быть однозначно установлена их *общепризнанная* истинность или ложность.

В начале построения любой философской системы лежит акт *свободного выбора* ее предельных оснований. Многие философы, при всех разногласиях между ними, сходятся в том, что философствование как таковое, есть *дело свободного духа*. И в этом отношении всякий человек, *поскольку он свободен*, является потенциальным философом. Профессионализм же проявляется в том, чтобы, на свободно выбранных основаниях, построить *внутренне согласованную* (консистентную) систему взглядов, выражающих *собственную* жизненную позицию. Поэтому в любой философской системе всегда присутствует личность ее создателя. Это всегда философия Платона или Аристотеля, Декарта или Гегеля, Маркса или Хайдеггера. Но из их учений никак не удастся сложить некую целостную «коллективную» конструкцию.

Но в таком случае возникает законный вопрос: а можно ли философии научить? В том, что можно научить математике, физике, механике — нет сомнений. В отношении философии иногда такие сомнения высказываются.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно определиться в следующем отношении: в чем состоит специфика именно философского знания? Науке научить можно, и в этом нет сомнений, а вот можно ли научить не науке? По вопросу о том, является ли философия наукой, высказывались самые разнообразные мнения, начиная с того, что философия является не просто наукой, а матерью всех наук, и кончая тем, что она вовсе наукой не является и возможно, пора ее «сбросить с корабля современности», ибо «наука сама себе философия» и вполне может обойтись без последней. Представляется, что в этой дискуссии о научном статусе философии парадоксальным образом правы обе стороны.

А как возможно, чтобы были правы обе стороны? Обе стороны согласны в том, что философия от других наук отличается, вопрос же состоит в том, выводит ли это различие философию за пределы науки или не выводит. Более того, обе стороны согласны в том, каков характер этого отличия. Каждая из других наук является в определенной степени обезличенной, но с философией так дело не обстоит. Философия всегда имеет «подписной» характер. Такой степенью универсальности как, скажем, физика или математика философия не обладает. Разнообразие философских учений объясняется тем, что философ, в отличие от естествовника, определяет фундаментальные основания своего исследования произвольно и в этом отношении он подобен художнику, который так же сам выбирает основания своей деятельности. В этом отношении правы те, кто не считает философию наукой: ведь основания философского исследования определяются субъективно. Но, произвольно выбрав основоположения собственного исследования, философ берет на себя обязательство построить на их фундаменте консистентную систему, т.е. систему связную, последовательную, строгую. Здесь правы и те, кто утверждает, что философия наука. Таким образом, философия одновременно и наука, и не наука.

Выступая наиболее ранней формой научно-теоретического отношения к миру, философия сама является теоретической системой особого рода. Будучи *консистентной* системой, любая философская доктрина может стать предметом преподавания и изучения. Но человек, изучивший ее, не достигнет того же результата, как, скажем, при изучении физики, потому что он будет знать именно *аристотелевскую* или *гегелевскую* философию. Более того, он не достигнет цели, даже если изучит *все* философские системы, ибо это будет знание не *Философии* как таковой, а лишь *Истории философии*. Поэтому невозможно создать такой учебник по философии, который, подобно учебникам по естественнонаучным дисциплинам, содержал бы только самые современные общепризнанные решения философских проблем, а саму философию нельзя выучить и запомнить так же, как физику или биологию. И все же знакомство с философией следует рассматривать как существенно важный аспект подготовки специалиста-теоретика, поскольку она представляет собой древнейший пласт теоретического мышления, имплицитно содержащий в себе практически все его более поздние формы.

Специфика философских вопросов не ограничивается только неоднозначностью решений. Философские вопросы отличаются еще и своей неустраимостью. Ведь не изучив, скажем, физики или биологии, человек вполне может нормально жить, если его профессиональная деятельность лежит в стороне от этих областей знания. Философские же вопросы — это вопросы, решение которых связано не с реализацией профессиональных устремлений, а со свободным выбором собственной жизненной позиции. Бог — это реальность или фантазия? Действительно ли существуют любовь, дружба, верность, или это не более чем красивые иллюзии? Дают ли наши чувства истинные представления о вещах или обманывают нас? Что является большим жизненным благом: признательность близких или солидный банковский счет?

Кто из нас никогда не ставил перед собой подобных вопросов? Однако внимательно рассмотрев их, можно увидеть, что все они представляют собой частные формы воп-

росов философских: «Что значит быть?»», «Что есть истина?» и «Что есть благо?»? Ответы на подобные вопросы определяют не то, какой ты физик, биолог или юрист, а то, какой ты человек. Всякая попытка ответить на них — это уже начало философствования, хотя частная форма скрывает философскую природу этих вопросов. Философичность таких вопросов обнаруживается в принципиальной невозможности однозначных ответов на них. Невозможность эта *логически обосновывается* немецким философом Иммануилом Кантом и *практически подтверждается* всей действительной историей философии.

В самом деле, ни бытие, ни небытие Бога не доказываются и не опровергаются никакой логикой и никаким эмпирическим опытом. Считать его существующим или несуществующим — дело свободного выбора человека. Но, сделав выбор в пользу Бога, он займет совершенно иную жизненную позицию, чем в случае атеистического выбора. И то же самое справедливо в отношении вопросов о любви, верности или признательности близких. Таким образом, если мир естествознания содержит вопросы, ответы на которые вполне могут быть общепризнанными, не являясь, в то же время, необходимыми, то мир философии парадоксальным образом содержит вопросы, однозначное решение которых является и *необходимым*, и *невозможным* одновременно.

При этом и необходимость, и невозможность однозначного решения таких вопросов проистекают из одного основания: решение их связано с *самоопределением личности*. Действительно, если человек хочет занять собственную жизненную позицию, он должен совершить акт самоопределения, решившись на *свой собственный*, уникально-неповторимый способ бытия в мире. Каждый человек рано или поздно оказывается перед необходимостью такого выбора.

Возвращаясь к вопросу о том, можно ли научить философии, можно заметить следующее: обучение на философском факультете отличается от обучения на других факультетах. Физики, например, учат физику, понимая под ней последние достижения собственной науки. Ни в одной из классических наук нет такого внимания к собственной ис-

тории как в философии. В этом отношении на философском факультете учат не философии, а философствовать. В определенном смысле, это уроки свободы, уроки свободно выбираемых основоположений. Курс истории философии, занимающий примерно половину времени обучения философа, и призван обучить человека свободе, показав, что можно взять одни основоположения и построить на их основании консистентную систему, а можно другие. Человек становится философом, когда он способен выбирать основоположения произвольно и на основании произвольно выбранных основоположений строить консистентные системы. Исходя из этого можно ставить вопрос о перспективах и ресурсах философии. Если мы понимаем ее как Урок свободы, то перспективы оказываются открытыми. Здесь не скажешь, что философия может закончиться. Такова же задача и того, кто обучает философии, он преподает уроки свободы. Здесь преподавание философии — перспективно. Это своеобразная прививка свободы и эта прививка свободного использования своего сознания является необходимым дополнением любого образования.